
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

С.Н. ШКЕЛЬ*

**ТРАМПИЗМ: ВОЗВЫШЕНИЕ АВТОРИТАРНОГО
ПОПУЛИЗМА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

Рецензия на кн.: *Brabazon T., Readhead S., Chivaura R.S. Trump studies: an intellectual guide to why citizens vote against their interests.* – Bingley, UK: Emerald Publishing Limited, 2019. – 224 p.

Для цитирования: Шкель С.Н. Трампизм: возвышение авторитарного популизма в цифровую эпоху (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 322–332. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.14>

В ноябре 2020 г. стали известны результаты президентских выборов в США. Представитель Республиканской партии Дональд Трамп проиграл лидеру демократов Джозефу Байдену. Когда в 2016 г. Трамп стал сорок пятым президентом США, либеральная общественность в самых разных странах мира была потрясена. Результаты референдума того же года по вопросу о выходе Великобритании из Европейского союза, а также электоральные успехи националистических партий в ряде европейских стран еще больше

* Шкель Станислав Николаевич, доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: stas-polit@yandex.ru

подхлестнули катастрофические настроения среди части интеллектуалов, склонных рассматривать эти события как признаки кризиса либеральной демократии и авторитарного отката.

Цель этих событий породила в социальных науках целое направление, призванное объяснить их причины и природу [Hart, 2020; Weyland, 2019; Norris, Inglehart, 2019; Abramowitz, 2018]. Авторы рецензируемой книги определяют это направление как Trump Studies, видят главной своей задачей выявление глубинных факторов и причин появления новой формы популизма и консерватизма на примере такого явления, как трампизм.

Может показаться, что сегодня, когда Трамп повержен и демократы в США ликуют, данный вопрос потерял свою актуальность. Однако представляется, что это не так. Ведь для науки Трамп интересен не столько как индивидуум, сколько как социальный феномен, анализ которого позволяет понять суть перемен в современном политическом мире. Это означает, что прощаться с трампизмом как с политическим явлением явно преждевременно. Напротив, быть может, сейчас как раз самое время вернуться к вопросу о причинах успеха Трампа и еще раз попытаться осмыслить сущность антилиберальной волны, которую он олицетворяет.

Рецензируемая книга – одна из многих в ряду исследований, появившихся в период правления Д. Трампа. Ее авторы – культурологи, что определяет оптику их исследования, тяготеющего скорее к философско-аналитическому осмыслению, чем эмпирическому анализу. Впрочем, сами авторы видят в этом преимущество, отмечая, что феномена трампизма никто не предвидел и поэтому он не может быть понят сугубо эмпирически. С точки зрения авторов, трампизм – это последствие социально-культурных сдвигов, ускользающих от позитивистского взгляда.

Именно опора на эмпиризм привела к тому, что триумф Трампа оказался столь неожиданным. Между тем, по убеждению авторов, феномен трампизма – вполне ожидаемое событие. Д. Трамп – это вовсе не «черный лебедь». Напротив, трампизм был предсказан, но не в трудах позитивистов, а в книгах знаменитого философа Жана Бодрийяра. Его труды 1970–1980-х годов и составили теоретический базис, на основе которого авторы строят свою аргументацию [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 33–35].

Как известно, Бодрийяр последовательно развивал идею симулякров (иллюзорных подобий), заменяющих реальность [Бодрийяр,

2015]. Взяв ее за основу, авторы книги утверждают, что трансформация популярной культуры под влиянием новых информационных технологий в виде социальных сетей как никогда повысила роль симулякров в современной политике и тем самым создала базу для трампизма.

Изначально последствия «третьей волны» технологической революции [Toffler, 1980], связанной с компьютеризацией и виртуализацией современного мира, воспринимались социальными мыслителями сугубо в позитивном ключе. Информатизация трактовалась как новый технологический уклад, который в силу своей сетевой природы неминуемо приведет к разрушению медийной и экономической монополии индустриального общества, создаст основы для фрагментации массовой культуры, а также для дисперсии власти и собственности. Все это неизменно отождествлялось с демократизацией общества и распространением индивидуальных свобод. Реальность, однако, оказалась более сложной и неоднозначной.

Цифровые технологии принесли не только возможности для распространения знаний. Оказалось, что компьютерная революция – вызов также и для либерализма и демократии. Исследователи отмечают, что авторитарные режимы вполне успешно научились адаптировать интернет-технологии для собственных нужд, усиливая контроль за общественной активностью [Tan, 2020; Stockmann, Luo, Shen, 2020]. Вопреки ожиданиям формирование новых форм электронной демократии и цифровизация на деле часто приводят к возникновению «умных автократий» (smart autocracy) [Morgensbesser, 2020]. Более того, авторы рецензируемой книги обращают внимание на то, что IT-технологии способны не только укреплять авторитаризм, но и разрушать демократию.

Причины этого – в «размывании» политической реальности по мере расширения влияния социальных сетей и прочих интернет-коммуникаций. Именно они превращают политику в совокупность симулякров. Политики могут использовать интернет-технологии для ретрансляции своих идей и программ. Проблема, однако, заключается в том, что новые форматы социальных сетей более эффективны в передаче формы, а не содержания [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 85–84]. В результате более успешен в политической борьбе оказывается не тот, кто старается добросовестно и максимально полно отразить свою программу и политические взгляды, а тот, кто использует самые простые формы и об-

разы – примитивные и не отражающие, а скорее искажающие сущность политика. Это искажение приводит к тому, что избиратели имеют дело не с реальным политиком, а с его образом. Термин «симулякр» в данном случае особенно уместен, поскольку речь идет не просто о виртуальном отражении реального образа, а замене реальности «подобием» (иллюзией), которое в силу вопиющего упрощения и минимализма является по своей сути пустотой, фикцией. Эту пустоту избиратели заполняют своими собственными представлениями.

Наиболее наглядно этот эффект демонстрирует использование Д. Трампом социальной сети «Твиттер» путем публикации коротких эпатажно-шокирующих, но потому и запоминающихся твиттов. Эта популярность связана скорее с иллюзорным образом, нежели с реальностью. Авторы показывают, как с помощью «Твиттера» Д. Трамп создал свой имидж, который стал интерпретироваться политическими комментаторами и избирателями настолько многообразно и противоречиво, что этот симулякр стал воспроизводить новые иллюзорные подобию, еще дальше отдаляя реального Трампа от его восприятия в головах избирателей [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 88–89].

Можно задаться вопросом: почему конкуренты Д. Трампа не использовали схожие технологии? Почему эта новая информационная реальность сработала в пользу трампизма, а политики, представлявшие собой более респектабельные и передовые круги политического истеблишмента, не проявили способности выигрышно использовать эти ресурсы? Ответ авторов заключается в том, что свойственное социальным сетям упрощение контента и форматов коммуникаций порождает среду, в рамках которой интеллектуализм и серьезный контент становится проблемой, а не преимуществом.

На самом деле Х. Клинтон и другие демократы тоже пытались использовать социальные сети. Однако делали они это на основе классических подходов, пытаясь передать всю полноту своей программы и весь спектр предлагаемых решений. На фоне простых и провокационных твиттов Д. Трампа это оказалось слишком сложно для избирателей, которые чаще игнорировали подобного рода информационные послы, тогда как каждый новый твитт Трампа вызывал огромный общественный резонанс. В результате полный и исчерпывающий образ Х. Клинтон работал против нее, поскольку эта полнота не оставляла места для фантазий избирате-

лей [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 51–56]. В образе Клинтон американцы видели реального политика – такого, каким она была, в то время как Трамп формировал «полупустоты», оставлявшие ниши для иллюзорного заполнения. Поэтому образ Трампа был обыкновенным симулякром, но симулякром предельно простым, понятным для каждого и потому необычайно привлекательным.

Второй блок причин возвышения трампизма, по мнению авторов, связан с состоянием американского общества и его ценностными установками. Стратегию политических технологов Х. Клинтон, стремящихся сделать ее образ рельефным и четким, они считают вполне резонной – ввиду превосходства Х. Клинтон над Трампом по ключевым профессиональным характеристикам: она более образованна, опытна, квалифицированна, молода и интеллигентна. Казалось бы, все это должно было позитивно сработать. Но этого оказалось недостаточно. Точнее, все это оказалось ненужным и невостребованным и даже избыточным, а потому раздражающим. Авторы объясняют это сексизмом и патриархальными установками значительной части американских избирателей. С этой точки зрения попытка выдвижения женщины на пост президента заранее была обречена на провал. Попытки политической рекламы подчеркнуть ее деловые и профессиональные качества наталкивались на нежелание сексистски настроенных американцев воспринимать образ успешного политика-женщины. Напротив, в системе консервативно-патриархальных ценностей профессиональные компетенции Х. Клинтон только раздражали избирателей. Именно поэтому оскорбительные, неприлично грубые и сексистские по своей сути реплики Трампа в адрес Х. Клинтон находили среди многих американцев одобрение, в то время как ее интеллигентность, сдержанность и нарочитая образованность вызывали противоположные эмоции [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 87–88].

Но почему эти проявления сексизма, ксенофобии и расизма столь мощно проявили себя на выборах 2016 г.? Это особенно удивительно, если вспомнить, что в 2009 г. американцы поразили мир, впервые избрав президентом страны афроамериканца. Тогда казалось, что США навсегда перешагнули через пережитки, уверенно встав на путь либерализма, равенства и толерантности. Однако спустя восемь лет американцы отдали предпочтение кандида-

ту, использовавшему откровенно расистскую и ксенофобскую риторику.

Объяснение авторами этого парадокса носит социально-экономический характер. По их мнению, информационная революция и глобализация создали новые вызовы для интеллектуализма, приведя к новым экономическим проблемам и социальным расколам, возродившим крайне консервативные ценностные установки в виде ксенофобии, сексизма, расизма, колониализма и др., которые Д. Трамп весьма успешно использовал. Расизм и ксенофобия голосующих за Трампа – это расизм и ксенофобия белых американцев, проживающих в сельской провинции и страдающих от безработицы вследствие глобализации и деиндустриализации [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 123–125]. Как показывает исторический опыт, в условиях экономического кризиса наиболее эффективными оказываются самые простые стратегии, направленные на поиск внешнего или внутреннего врага. Случай трампизма лишь подтверждает этот тезис, демонстрируя популярность антииммигрантской и протекционистской риторики среди наиболее ущемленных в экономическом плане слоев населения.

По мысли авторов, голосование за Б. Обаму в 2009 г. было реакцией американского общества на политику республиканцев, приведшую к мировому финансовому кризису. Однако неспособность демократов справиться с последствиями этого кризиса породила у значительной части белых американцев новые фобии. Снижение доходов воспринималось как лишение былого статуса. В сознании многих американцев экономические невзгоды совместились с либеральной риторикой Б. Обамы с акцентом на расовое и гендерное равенство. Образ Обамы как афроамериканца во главе государства и доминирование в СМИ либеральной риторики заставляли белых американцев чувствовать себя лишившимися своих привилегий. Всё это привело к тому, что Трампу не составило труда своими твиттами мобилизовать накопившиеся фобии белых американцев [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 130–131]. Именно страх окончательной утраты привилегий был главным мотивом электоральной поддержки Трампа белыми американцами. Не случайно в слогане «Make America Great Again!» слово again (снова) является ключевым. Этот слоган играет на колониально-ностальгических чувствах белых американцев, утративших свое доминирование и господство [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019,

р. 126]. Это ностальгия по гарантированным привилегиям для тех, кто в ответ на вопрос С. Хантингтона «Кто мы?» [Huntington, 2004], уверенно отвечает: мы WASP¹.

С точки зрения образованной либеральной общественности подобные установки и ценности выглядят вопиющим варварством. Однако по итогам последних президентских выборов, Трампа поддержали 70 млн американцев, т.е. лишь на 4 млн меньше, чем Д. Байдена. Это означает, что американское общество по-прежнему остается расколотым и, несмотря на поражение Трампа, трампизм никуда не ушел, продолжая оставаться важным фактором американской и мировой политики.

В заключительной части авторы задаются вопросом о возможностях противостоять трампизму как явлению, связанному с агрессивным антиинтеллектуализмом, сексизмом, расизмом, колониализмом и ксенофобией. Главным оплотом, способным противостоять примитивной лжи в эпоху постправды и доминирования политических симулякров, авторы видят университеты и интеллектуальное сообщество. По их мнению, это требует от них не только профессиональных компетенций, но и активной гражданской позиции, а также пересмотра базовых принципов позитивизма в социальных науках, игнорирующих моральные и нормативно-ценностные вопросы.

С точки зрения авторов, главной функцией интеллектуалов в современном мире должно стать не просто описание и объяснение социальной реальности, но и формирование моральных аксиом, способных явиться действенными ограничителями для политиков и общества. Единственная возможность предотвратить очередные победы трампизма в его многообразных формах – это убедить общество в непристойности и неприличности его основных идейных принципов.

Что приемлемо, а что неприемлемо для современной цивилизованной политики? Этот вопрос, по мысли авторов, становится ключевым. Роль интеллектуалов заключается в моральной стигматизации всего спектра идей, порождающих антиинтеллектуализм и угрозы существованию современной демократии, и создании убедительной для большинства простых граждан системы аргумен-

¹ WASP – аббревиатура от англ. White Anglo-Saxon Protestant: белый американец, протестант англосаксонского происхождения.

тов, обнажающей деструктивную природу трампизма. Эта деструктивность, ведущая к социальным фобиям, расколам и вражде, в итоге не выгодна никому, кроме политиков, использующих эти идеологемы. Публичная и систематическая активность интеллектуального сообщества, по мысли авторов, способна убедить граждан, что поддержка подобного рода воззрений противоречит их собственным базовым интересам, поскольку в конечном итоге от вражды, дискриминации и узаконенного неравенства страдает большинство [Brabazon, Readhead, Chivaura, 2019, p. 162–170].

Несмотря на симпатичность этих тезисов с гуманистической точки зрения, их эффективность представляется сомнительной. Более того, учитывая причины возвышения трампизма, на которые указывается в книге, заключительные предложения предстают несколько противоречивыми. Если признать, что корни трампизма – в информационной среде и экономических проблемах, то сложно поверить, что эту проблему можно решить лишь усилиями интеллектуалов. Роль и возможности интеллектуального сообщества в данном случае несколько преувеличены. Другими словами, авторы скорее выдают желаемое за действительное.

Однако я предпочел бы не критиковать книгу за данный тезис, а обратить внимание на ключевые мысли, позволяющие лучше понять политические и социальные процессы не только в США, но и других странах мира, включая Россию.

Представленный в книге анализ трампизма позволяет не только обозначить угрозы для западной демократии, но и лучше понять природу устойчивости авторитарной власти. Авторы прекрасно раскрыли неоднозначную роль интернет-технологий в распространении антидемократических ценностей. Но если перенести эту логику на авторитарные страны, то можно предположить, что в тех странах, где потенциал социальных сетей еще не полностью реализован, их развитие может создать возможности отнюдь не для демократизации, а для автократий.

На первом этапе технологиями овладевает передовое интеллектуальное меньшинство, и в киберпространстве доминируют либерализм и прочие прогрессистские идеологемы. Доминирование в Сети оппозиционной повестки создает иллюзию поддержки большинством населения авторитарных стран демократических сил. Однако по мере распространения интернет-технологий в киберпространство вовлекаются массовые слои населения, ценност-

ные установки которых весьма существенно отличаются от убеждений интеллектуального меньшинства. До сих пор они черпали политическую информацию из контролируемых властью традиционных СМИ.

Можно было бы предположить, что знакомство с альтернативными политическими позициями приведет к смене их политических предпочтений и расширению социальной базы оппозиции. Однако, как показывает опыт США и феномен трампизма, итогом конвергенции масс в киберпространство может стать консолидация и мобилизация консервативных сил. Как убедительно показано в рецензируемой книге, «спираль молчания» [Ноэль-Нойман, 1996] работает не только в авторитарном, но и в демократическом контексте. В период президентства Б. Обамы и доминирования в СМИ либеральной риторики консервативная часть общества предпочитала скрывать свои истинные политические воззрения. Однако стоило Трампу артикулировать их с помощью Интернета, как эта часть общества быстро осознала, что их воззрения отнюдь не маргинальны и их можно открыто декларировать.

Роль Трампа состояла в расширении границ допустимого в политической риторике, включая расизм и неприкрытый сексизм, еще недавно казавшиеся недопустимыми. Этим он разрушил «спираль молчания» и мобилизовал консервативные силы. Таким образом, на втором этапе расширения интернет-технологий вовлечение масс не укрепило демократию, а породило новые вызовы для нее.

Это означает, что авторитарные правители могут эффективно использовать эту новую волну массовой интеграции в интернет-пространство для навязывания провластного, консервативного дискурса. Случай России убедительно подтверждает описанную логику развития. Первоначальный этап развития интернет-технологий сопровождался доминированием оппозиции, которая эффективно использовала Рунет как ресурс для повышения своей узнаваемости и популярности. Не секрет, что лидер российской оппозиции Алексей Навальный добился всероссийской известности именно с помощью эффективного использования интернет-площадок.

Дальнейшее развитие, однако, существенно снизило эти возможности. После протестов 2011–2012 гг. российские власти стали активно заниматься интернет-сегментом, вводя разного рода ограничения и запреты [Gel'man, 2016]. Рецензируемая книга по-

буждает поставить вопрос: можно ли объяснить текущее ослабление российской оппозиции только ограничениями и не является ли эффективность ограничительных мер следствием вовлечения в интернет-пространство массовых сегментов общества, которые размывают монолитность оппозиционного движения?

Ответ на этот вопрос требует отдельного исследования, но сама его постановка вытекает из анализа причин возвышения трампизма, представленного в рецензируемой книге. Это еще раз доказывает научную ценность данного исследования.

Список литературы

- Бодрияёр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. – М. : Издательский дом «ПОСТУП», 2015. – 240 с.
- Нозль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем., общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. – М. : Прогресс-Академия : Вест Мир, 1996. – 352 с.
- Abramowitz A.* The great alignment race, party transformation, and the rise of Donald Trump. – New Haven ; London : Yale University Press, 2018. – 224 p.
- Brabazon T., Readhead S., Chivaura R.* Trump Studies : An intellectual guide to why citizens vote against their interests. – Bingley, UK : Emerald publishing limited, 2019. – 224 p.
- Gel'man V.* The politics of fear : how Russia's rulers counter their rivals // Russian politics. – 2016. – Vol. 1, N 1. – P. 27–45. – DOI: <https://doi.org/10.1163/24518921-00101002>
- Hart R.* Trump and us. What He says and why people listen. – Cambridge : Cambridge university press, 2020. – 266 p.
- Huntington S.* Who are we? The challenges to America's national identity. – N.Y. : Simon and Schuster, 2004. – 428 p.
- Morgenbesser L.* The menu of autocratic innovation // Democratization. – 2020. – Vol. 27, N 6. – P. 1053–1072. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1746275>
- Norris P., Inglehart R.* Cultural backlash. Trump, Brexit, and authoritarian populism. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 540 p.
- Stockmann D., Luo T., Shen M.* Designing authoritarian deliberation: how social media platforms influence political talk in China // Democratization. – 2020. – Vol. 27, N 2. – P. 243–264. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1679771>
- Tan N.* Digital learning and extending electoral authoritarianism in Singapore // Democratization. – 2020. – Vol. 27, N. 6. – P. 1073–1091. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1770731>
- Toffler A.* The third wave. – London : Pan Books Ltd, 1980. – 543 p.

Weyland K. When democracy trumps populism. European and Latin American lessons for the United States. – Cambridge : Cambridge university press, 2019. – 216 p.

S.N. Shkel*

**Trumpism: the rise of authoritarian populism in the digital era
(Review)**

For citation: Shkel S.N. Trumpism: the rise of authoritarian populism in the digital era (Review). *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 322–332. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.14>

References

- Abramowitz A. *The great alignment race, party transformation, and the rise of Donald Trump*. New Haven; London : Yale university press, 2018, 224 p.
- Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Moscow : Postup, 2015, 240 p. (In Russ.)
- Brabazon T., Readhead S., Chivaura R. *Trump Studies: An intellectual guide to why citizens vote against their interests*. Bingley, UK : Emerald publishing limited, 2019, 224 p.
- Gel'man V. The politics of fear: how Russia's rulers counter their rivals. *Russian politics*. 2016, Vol. 1, N 1, P. 27–45. DOI: <https://doi.org/10.1163/24518921-00101002>
- Hart R. *Trump and us. What He says and why people listen*. Cambridge : Cambridge university press, 2020, 266 p.
- Huntington S. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York : Simon and Schuster, 2004, 428 p.
- Morgenbesser L. The menu of autocratic innovation. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 6, P. 1053–1072. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1746275>
- Noelle-Neumann E. *The spiral of silence: public opinion – our social skin*. Moscow : Progress-Academy, Ves mir, 1996, 352 p. (In Russ.)
- Norris P., Inglehart R. *Cultural backlash. Trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge : Cambridge university press, 2019, 540 p.
- Stockmann D., Luo T., Shen M. Designing authoritarian deliberation: how social media platforms influence political talk in China. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 2, P. 243–264. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1679771>
- Tan N. Digital learning and extending electoral authoritarianism in Singapore. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 6, P. 1073–1091. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1770731>
- Toffler A. *The third wave*. London : Pan books Ltd, 1980, 543 p.
- Weyland K. *When democracy trumps populism. European and Latin American lessons for the United States*. Cambridge : Cambridge university press, 2019, 216 p.

* **Shkel Stanislav**, National research university Higher school of economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru